

К. Киллиан

ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАПРЕТ НА РЕЛИГИОЗНУЮ СИМВОЛИКУ В ШКОЛАХ И ВЗГЛЯДЫ ЖЕНЩИН МАГРИБА НА НОШЕНИЕ ХИДЖАБА

Франция находилась в центре внимания международного сообщества с декабря 2003 г. по февраль 2004 г. – период, когда ее политики и граждане вели жаркие дискуссии вокруг нового закона, запрещающего ношение мусульманского платка – хиджаба – в публичных школах¹. Вплоть до конца 1980-х годов инциденты, когда девушки приходили в школу в платках, спокойно решались на местном уровне, но в 1989 г. ожесточенный спор между школьной администрацией и тремя девушками в Крей (Creil)² стал объектом внимания газет и привел к общенациональным дебатам. Случаи подобного рода явились причиной споров во Франции в течение 1990-х годов, включая случай во Флер (Flers), когда в 1999 г. учителя, протестующие против ношения ученицами платков, вышли на забастовку.

“Дело о платках”, как начали в целом именовать указанные инциденты, оказалось связанным с рядом других проблем, например, присутствием религиозной символики в школе, интеграцией иммигрантского населения и правами меньшинств. В 2003 г. французский президент Жак Ширак организовал комиссию во главе с бывшим министром образования Бернаром Стази для изучения проблемы религиозной символики в школе. После проходивших в течение пяти месяцев встреч с разными людьми комиссия, состоящая из политиков, учителей, религиозных лидеров и социологов, рекомендовала запретить ношение в школе мусульманских платков, еврейских ермолок (*yarmulkes*) и крупных христианских крестов (*Sciolino 2003*). В результате длительных дебатов закон был принят в феврале 2004 г. подавляющим числом голосов и вошел в силу с 2004/2005 учебного года³.

Дебаты о платках

Следует напомнить, что споры об одеянии магрибинских женщин начались задолго до их иммиграции во Францию в 1970-е годы⁴. Французские и британские колонизаторы поддерживали снятие мусульманками чадры и подражание в одежде европейским женщинам. Вследствие этого в Алжире и других странах Северной Африки и Ближнего Востока платок стал символом национальной идентичности и оппозиции Западу в период национальных движений и борьбы за независимость.

Мужчины нередко используют женщин в качестве маркеров коллективной этнической идентичности (*Helie-Lucas 1994*). Во Франции у женщин, носящих платки, часто есть отцы, братья и мужья, которые носят джинсы, бреют бороды и избегают любых отличительных признаков мужчин-мусульман (*Bloul 1996*). От женщин при этом ожидается, что они должны быть основными “хранителями идентичности и культуры” (*Helie-Lucas 1994: 394*). В глазах принимающего общества именно женщины-иммигранты рассматриваются либо в качестве “барьеров ассимиляции” из-за их противодействия в воспроизводстве культурных традиций, либо, наоборот, как “средства интеграции в доминирующее общество” (*Deutsch 1987: 719–720; Kibria 1994: 248*).

Интеграция по-французски подразумевает утрату этнической идентичности и давление, принуждающее подчиниться стандартной модели гражданского общества,

¹ Кейтлин Киллиан (Killian) – профессор-ассистент Университета Дрю (штат Нью-Джерси, США).

с чем знакомят главным образом в школе (Horowitz 1998). В законодательстве Франции нет понятия “группа меньшинства”, как нет и понятия “этнические граждане” (Feldblum 1993). Использование французскими политиками и прессой термина “интеграция” вместо “адаптация” подразумевает, что иммигранты должны учиться вписываться в общество, а не просто существовать в нем. По сути, интеграция является эвфемизмом ассимиляции (Horowitz 1998). “Французская модель” интеграции стоит в оппозиции к “англо-саксонской модели мультикультурализма”, которая, по мнению французских политиков, приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств (Feldblum 1993).

Вместе с тем растущее число иммигрантов и влияние Европейского Союза, некоторые члены которого демонстрируют более терпимое отношение к многокультурности, противостоят традиционной установке, что иммигранты должны забыть свои культурные традиции в пользу французской гражданской культуры⁵. В этом контексте дело о платках ставит перед французами несколько проблем, включая проблему определения светскости.

Вера в важность разделения церкви и государства, отчетливо выраженная в законе 1905 г., преобладает во Франции и сегодня. Юридически законными считаются лишь браки, заключенные в мэрии, и хотя многие освящают брак религиозной церемонией, им все равно необходимо заключать светский брак. Борьба за отделение церкви от государства (*laïcité* – *лаицизм*) восходит корнями к якобинской традиции и долгой борьбе за освобождение правительства и французских публичных школ от влияния католицизма. Однако встает вопрос, все ли символические знаки, имеющие отношение к религии, должны изгоняться из школы, или остается место для выражения культурной и религиозной идентичности учеников⁶. Кроме того, какова роль государства и школы как его института в интеграции иммигрантов и их детей? Должно ли государство защищать права женщин от притеснения со стороны их семей, если действительно навязывание ношения платка рассматривать как атаку на их права (Kastoryano 1996)? И, наконец, как повлияет политика исключения из школы за ношение платков на девушек-мусульманок во Франции? Не причинит ли она больше вреда, чем пользы?

Официальные лица не смогли предоставить ясной интерпретации лаицизма в ходе рассмотрения дела в Крее и избегали публичных комментариев. Суждения по поводу платков смешали ряды левых и правых, а когда политики решились, наконец, заговорить, их ответы зачастую противоречили один другому. Столь же непоследовательной была и реакция в прессе со стороны различных иммигрантских групп и интеллектуалов. В 1989 г. министр образования Лионель Жоспен заявил, что “светскость школы” необходимо уважать, но “школа существует для того, чтобы принимать детей, а не исключать их” (*Libération* 1989, 10 окт., пер. см.: Feldblum 1993).

Хотя Национальный совет по образованию выступил резко против позиции Жоспена, Государственный Совет (*Conseil d'Etat* – французский аналог Верховного Суда) вынес решение, что платок не является демонстративным символом, и потому его ношение не может быть причиной запрещения посещать школу. Многие французы тогда были не согласны с позицией Жоспена и Госсовета. В соответствии с опросом, проведенным газетой “*Le Monde*” (30 ноября 1989 г.), 75% французских политиков были против платков в школах; 17% заняли нейтральную позицию, и лишь 6% высказались “за”. Несмотря на то, что три четверти французских политиков были против ношения мусульманских платков в школах, лишь 32% выступали против их ношения на улице. Таким образом, французы протестовали лишь против появления этнических маркеров в рамках республиканских институтов (Bloul 1996).

Французская пресса с самого начала изображала платок как символ исламского фундаментализма. Опасения, что во Франции активизируются члены Исламского фронта освобождения Алжира (FIS), а также появившиеся в СМИ истории о жен-

щинах в Алжире и Иране, которых принуждали надеть покрывала под угрозой физической расправы, послужили основой для разногласий в начале 1990-х годов по поводу ношения платков в школах. Франсуа Байру (François Bayrou), министр образования в 1994 г. после издания циркуляра о регулировании использования религиозной символики в школах, запрещающего использование “демонстративных религиозных символов”, включая платки, которые рассматривались как проявления несдержанности и подстрекательства, вдруг упомянул о французской “иудео-христианской традиции” (*Le Nouvel Observateur*, 1994. 3 sept.). Такая фразеология явно оставляла свободу для разных интерпретаций, в том числе и такого рода, хотя платок считается демонстративным, а еврейская кипа – нет. Несмотря на циркуляр, многие школьные руководители разрешили присутствовать на занятиях девушкам в платках, а случаи запретов становились объектом внимания прессы. Официальными причинами запретов были неуважительное отношение к правилам школы (например, пропуск спортивных занятий) и организация беспорядков.

К 2003 г. после теракта 11 сентября в Нью-Йорке и волны насилия, направленного на французских евреев, напряженность во Франции возросла. Хотя в прошлом правительство спокойно договаривалось с представителями еврейских и христианских общин об их интересах в школе, теперь французские политики заговорили о том, что “коммунитаризм” представляет собой проблему и что новый закон должен охватить все конфессии. Было и другое мнение: еврейская и христианская символика были включены в закон лишь для того, чтобы защитить французское государство от обвинений в предвзятом отношении к мусульманам. И действительно, тот факт, что Комиссия Стази⁷ забыла включить в свои рекомендации сикхские тюрбаны, указывает на то, что фокусом ее рассмотрения были мусульманские платки, противопоставляемые религиозной символике вообще. Вейбель задается вопросом, не является ли французская одержимость проблемой немногих мусульманок, носящих платки в школах, а именно “страхом перед вторжением чужака или утраты превосходства” (*Weibel* 2000: 82).

Французские политики утверждают, что Французская Республика подверглась атаке со стороны сил, враждебных равенству и свободе. Феминистские группы, как и политики, полагают, что запрет на религиозную символику в школе устранил давление на девушек-мусульманок, которых принуждают носить платки их родители или фундаменталистские группы. Помимо этого политики утверждают, что новый закон поможет учащимся лучше ладить друг с другом и уменьшит межэтническую напряженность. Кроме того, закон может рассматриваться как удар по свободе вероисповедания, или, по словам министра внутренних дел Николя Саркози (*Nicholas Sarkozy*), как “секулярный фундаментализм” (*Sciolino* 2003). Он может также вести к росту числа исламских школ, что лишь укрепляет коммунитаризм и ослабляет контроль государства за системой образования⁸.

Поддержка очевидным большинством сенаторов нового закона свидетельствует о негативном отношении большинства населения Франции к ношению платков в школе. Мнения мусульманских групп разделились. Опрос, проведенный газетой “*Le Monde*” 30 ноября 1989 г., обнаружил, что среди мусульман люди старшего поколения (67%) оказались большими, чем молодежь (44%), противниками ношения платков. Женщин в этой группе было больше (49%), чем мужчин (43%). Лишь 30% мусульман высказались за ношение платков, 22% проявили безразличие. Те молодые магрибинцы и уроженцы стран Северной Африки, которые выступали за ношение платков, мотивировали это защитой индивидуальных прав и толерантности к культурным различиям (*Bloul* 1996). Магрибинцы старшего поколения, наоборот, рассматривали платки как проявление несдержанности иммигрантов, проживающих в принимающей их стране.

Хотя возраст и пол влияли на результаты опроса, однако ни эти, ни иные факторы, влияющие на формирование мнений иммигрантов из Северной Африки, исследованы не были. Прошло десятилетие с того момента, как один из случаев с ношением платка стал объектом публичного внимания во Франции, – достаточное время, чтобы понять, что думают женщины – мусульманские иммигранты по этому поводу, а также что сообщает данное дело об опыте иммигрантов и понимании их места во Франции.

В настоящей статье я рассматриваю вопрос, как одна из групп мусульманских женщин – иммигрантов из Магриба – относится к вопросу о платках⁹. Именно эта этническая группа оказывается в центре дискуссий, и поэтому данное дело затрагивает магрибинок как на личном, так и на групповом уровнях. Их размышления по поводу интеграции, лаицизма, религиозного долга и их месте во Франции, рассматриваемые сквозь призму вопроса о платках, могут много сообщить нам об особенностях адаптации иммигрантов. Кто из них принимает, а кто отвергает аргументацию французов по поводу платков? Что для них лучше, по их мнению: защита их прав на культурное самовыражение или облегчение интеграции? Какие факторы, включая возраст, образование и религиозность, влияют на ответы этих женщин?

Опираясь на исследование отношения мужчин-иммигрантов из Северной Африки к проявлениям расизма (*Lamont, Morning, Mooney* 2002), я предлагаю объяснение типов реакции на ношение платков в школах (как у французов, так и у магрибинок) их структурным положением и культурным репертуаром. Хотя все интервьюируемые женщины разделяют прошлое, связывающее их с Северной Африкой, некоторые из них были лучше знакомы с французской культурой еще до их прибытия в страну, чем другие. Возраст и образование влияют на их концепции окружающего социального и политического мира и сказываются на их рассуждениях о платках как о вызывающем споры символе культуры, религии и пола. Рассмотрение их отношения к делу о платках и их аргументации дает возможность понять, как формируется их идентичность и как они себя позиционируют во Франции в культурном отношении.

Я начну с краткой справки о магрибинках во Франции; за ней последует описание методов, а затем – изложение и анализ различных реакций североафриканских иммигранток. Я рассматриваю вопрос, почему одна часть магрибинок выступает за ношение платков, а другая – против, а также привлекаю их взгляды и мнения, которые соответствуют или, наоборот, противоречат соответствующим взглядам и мнениям французов. В заключение речь идет о мнениях, которые выражают разные группы женщин в контексте проблемы адаптации иммигрантов.

Магрибинцы во Франции

Иммигранты составляют немногим более 7% населения Франции (INSEE 1997). Иммиграция во Францию исторически складывалась из потоков мигрантов из других европейских католических стран и иммигрантов из французских колоний в Африке. Многие африканские и магрибинские рабочие-мигранты вначале прибывали во Францию без семей, и в отличие от европейских иммигрантов, прибывавших тогда же, их не рассматривали как население, прибывшее на постоянное жительство.

В 1970-е годы политика в отношении трудовых мигрантов изменилась: им разрешили воссоединиться с их семьями. Финансовые субсидии, облегчавшие таким мигрантам возвращение домой, выделились французским правительством в надежде на то, что многие из них уедут из страны после выхода на пенсию. Этого, однако, не произошло. Вероятность отъезда семей с рождением второго поколения, укоренившихся во Франции, оказалась ниже ожидаемой. Благодаря политике объединения семей и рождению детей у иммигрантов ислам (4 млн верующих) стал второй по величине религией во Франции (*Weibel* 2000).

Согласно переписи 1990 г., во Франции проживало 1 393 195 магрибинцев (общая численность иммигрантов – 4 165 952 человек), из которых 61 4207 составляли алжирцы, 572 652 – марокканцы и 206 336 – тунисцы (INSEE 2000). Второе поколение североафриканцев, по оценке, составляет около 1 млн человек (*Begag* 1990). Большинство магрибинцев проживают в больших городах, главным образом Париже и Марселе, и их предместьях. Согласно влиятельному исследованию об иммигрантах во Франции (*Tribalat* 1995, 1996), магрибинцы имеют низкое образование и находятся на самых нижних ступенях социальной лестницы. Большая их часть прибыла из сельских регионов, где они занимались крестьянским трудом, и треть из них неграмотна. Во Франции североафриканцы заняты, как правило, ручным трудом на фабриках или в строительстве. Женщины работают реже и, как правило, нанимаются в качестве нянь, прачек или домработниц. Лишь 4% алжирцев и 6% марокканцев во Франции являются дипломированными специалистами (INSEE 1997). Интеграция, таким образом, осложняется классовыми проблемами, что в особенности касается жителей бедных этнических анклавов.

Одно из проявлений трудностей при интеграции – низкий уровень натурализации. Хотя французское гражданство можно приобрести после 5 лет постоянного проживания, лишь 15% иммигрантов из Алжира и Марокко и треть тунисцев стали гражданами Франции (INSEE 2000). Отчасти так происходит из-за существующей дискриминации и последствий колониальной политики Франции, принуждавшей алжирцев выбирать между алжирской и французской национальностями (*Tribalat* 1995).

Методы

С января по июль 1999 г., т.е. до введения нового закона и школьной забастовки во Флер (Flers), я провела полуструктурированные глубинные интервью с 45 женщинами из Парижа и предместий. 43 интервью были проведены на французском языке и два – с помощью переводчика. Все участники опроса – представительницы первого поколения иммигрантов-мусульман из стран Магриба, однако они различаются по многим характеристикам: возрасту, стране выхода, этничности (арабы и берберы), уровню образования, занятости, семейному статусу и числу детей. Эта работа является частью более широкого исследования культурного своеобразия магрибинских женщин, их политики идентичности и адаптации во Франции.

Я задавала открытые вопросы по таким темам, как культурная специфика поведения, социализация детей, взгляды на гендерные роли, расизм во Франции и отношение к ассимиляции. Участницы опроса обсуждали проблемы, с которыми они сталкиваются, а также значение и важность, приписываемые различным идентичностям – религиозной, расовой, иммигранта, женщины. После короткого рассказа о случае во Флере, когда девушки-турчанки были исключены из школы, я спрашивала своих респондентов, нужно ли запретить ношение платков в школе. Все интервью были полностью транскрибированы, и ответы по поводу платков затем классифицированы по категориям, которые использовались для сравнения и интерпретации.

Из 45 опрошенных четверо не обсуждали дело о платках: из 41 обсуждавших 25 были выходцами из Алжира, 10 – из Марокко и 6 – из Туниса; их возраст колебался от 25 до 58 лет, а длительность проживания во Франции – от 1 до 37 лет. Большинство из опрошенных прибыли в страну в возрасте от 17 до 35 лет. Около половины моих респонденток были в целом более образованы и имели больше шансов получить работу и стать гражданками Франции, чем типичные магрибинки во Франции. Другая половина опрошенных в этом смысле более репрезентативна. Приблизительно равное число хорошо образованных и плохо образованных женщин облегчает сравнение этих групп. Соблюдение религиозных обрядов связано с возрастом и образо-

Таблица 1

Респондентки, носящие платки

Место ношения платков	Ответы на вопрос, должны ли быть разрешены платки в школах?			
	Да/Нет проблемы	Нет/Интеграция	Не требуются исламом	Идентичность
<i>Всего: 11</i>	(5 чел.)	(2 чел.)	(3 чел.)	(1 чел.)
Везде	2	0	0	0
Магриб/Дома	2	0	0	1
Магриб	1	2	2	0
Дома	0	0	1	0

вательным уровнем: более пожилые и менее образованные женщины их соблюдают в большей степени. Около трети опрошенных не соблюдают обряды, хотя и определяют себя как мусульманки. Еще треть следует всем обрядам, включая пост во время Рамадана, пищевые запреты и ежедневную молитву. Оставшиеся также соблюдают большинство обрядов, уважают Рамадан, не употребляют свинину и алкоголь, однако не молятся ежедневно. Хотя лишь двое из опрошенных женщин всегда носят платки в публичных местах, еще девять носят их дома или когда посещают Магриб (Табл. 1). В тексте респондентки упоминаются под псевдонимами, и детали их биографий изменены для сохранения анонимности¹⁰.

Взгляды на дело о платках

Респонденты выразили разнообразные и иногда довольно сложные взгляды на проблему платков; никто не ограничился простым ответом “да” или “нет”. Я обсужу сначала ответы тех, кто высказался за ношение платков в школе, а затем тех, кто – против, и, наконец, рассмотрю различные высказанные в этой связи мнения. Последнее включает интерпретацию связи между платками и фундаментализмом, представление о роли СМИ в деле о платках, а также их взгляды на то, что значит быть мусульманкой во Франции.

Можно ли разрешить девушкам ношение платков в школе? – Да

Платок не должен быть проблемой. Около трети участниц опроса поддержали ношение платков в школе, однако есть две различные линии аргументации, и этих линий придерживаются различные группы женщин. Первую группы составили 8 респондентов – преимущественно женщины, не имеющие высшего образования или вообще не посещавшие школу (см.: Табл. 2, строка 1). Они не рассматривают платок в качестве символа и не понимают, почему девушки, носящие его в школе, представляют собой проблему. Обе женщины, которые сами носят платки в публичных местах, оказались в этой группе. По словам Фузии (42-летняя марокканка): “Они придают этому слишком большое внимание; что такого, если девочка хочет носить платок, в чем проблема? ... Я не понимаю, почему у них с этим так много проблем”. Байя (38-летняя алжирка) разделяет это мнение: “платок и рубашка – это одно и то же”. Женщины в этой группе полагали, что независимо от того, носят ли девочки платок по религиозным соображениям или просто по привычке, их нужно “оставить в покое”. Некоторые отмечали, что платок не есть что-то плохое, что девочки не хотят неприятностей: “Потому что для нас – это вопрос привычки. От других [привычек] это ничем не отличается. Из того, что кто-то носит платок, еще не следует, что она делает что-то плохое” (Хиба, 43-летняя алжирка). Байя соглашается: “Если в школе считают, что девочки – хорошие, если они хорошо учатся и ведут себя, то почему платок [становится проблемой]? Это следует учитывать”. Их аргумента-

Таблица 2

Ответы всех респонденток (по полу, возрасту и уровню образования)

	Средняя школа и менее			Выше среднего		
	До 40 лет	более 40	всего	до 40 лет	более 40	всего
<i>Всего</i>	6	14	20	16	5	21
Да (16)						
Нет проблемы	3	4	7	1	0	1
Права/культура	0	0	0	6	2	8
Нет (12)						
Интеграция	0	3	3	2	0	2
Возвращение	1	2	3	3	1	4
Другие взгляды (37)						
Расизм	1	0	1	7	0	7
Упущенный шанс	0	0	0	1	1	2
Идентичность	0	1	1	4	0	4
Принуждение	0	0	0	2	1	3
Фундаментализм	1	0	1	5	2	7
Не требуется исламом	2	8	10	1	0	1

ция сводится к тому, что если с поведением и учебной работой все хорошо, то не должно быть ограничений на одежду.

Право выразить свою религию/культуру. Вторая группа женщин, считавших, что ношение платков в школе должно быть разрешено, весьма отличалась от первой (см.: Табл. 2, строка 2). Шестеро из восьми были моложе 40 лет; у всех них были дипломы об окончании вузов, а у некоторых – степени магистра и выше. Многие из них вполне представляли себе, почему платки в школах могут быть проблемой, и полагали, что все люди, включая детей иммигрантов, имеют право на выражение своего культурного и религиозного своеобразия. Несколько из них были лично против ношения платков, но хотели защищать это право остальных. Они рассматривали все это как “проблему свободы”: “По моему скромному мнению, я – не фанатичка, то есть не хочу заставлять женщин носить хиджаб, но я тоже мусульманка, и это – моя проблема, и я уважаю свободу других носить его” (Неджма, 52-летняя женщина из Туниса).

Лабиба (35-летняя алжирка) относилась к платкам к частной сфере, которую государство должно уважать, несмотря на то, что женщины в платках оказываются и в публичных местах: “...Я не думаю, что они вправе вмешиваться в частную жизнь людей, мы ведь живем в светском государстве; Франция не должна выступать в пользу одной религии, разрушая другую... Я полагаю, что в светской школе мы все должны быть светскими, иначе нам всем нужно ходить в религиозную школу и там носить все, что хочешь”. Определение светскости у Лабибы, терпимое отношение ко всем религиозным символам противоречит значению лаицизма, которого придерживаются многие французы. Французская модель интеграции сводится к тому, что все должны соответствовать французским гражданским и культурным нормам, и эта цель достигается именно в школе (Horowitz 1998). Женщины-мусульманки сопротивляются этому давлению лаицизма: “...у каждого свои принципы, свои традиции; эти девочки все живут здесь, но мы знаем, что у них разные религии, у них традиции – не одни и те же” (Кельтум, 35-летняя марокканка). Женщины, выступающие в поддержку права девушек носить платок, отстаивая свободу культурного выражения, часто прямо критикуют французское государство за проявления расизма по отношению к мусульманам.

Расизм и лицемерие. Кельтум и другие респондентки бросают вызов неспособности Франции мириться с проявлениями культурных различий в публичном пространстве, и многие из них чувствуют, что именно их культура стала мишенью (см.: *Табл. 2, строка 5*). Юсра (31-летняя марокканка) говорит об этом так: «Я нахожу, что отношение со стороны части учителей и в самом деле расистское. Для меня это – расистский акт. Мы не можем исключать девочек из школы только потому, что они носят платок... Это все равно, что тыкать в них и в их культуру пальцем, говоря: “Твоя культура плоха!” Ни у кого нет права так судить».

Юсра – не единственная, кто расценивает французскую реакцию на хиджаб как расистскую, главным образом потому, что к другим религиозным символам в школах относятся терпимо. Пятеро респонденток упомянули, что евреям разрешают носить кипу; семеро указали на христианский крест и одна – на сикхский тюрбан. Малика (38-летняя туниска) подытоживает: «Я не выступаю за демонстрацию [религиозной символики], но я против того, как это делается во Франции. Но только если мы запрещаем платки, я хотела бы, чтобы мы запрещали кипу и крест. Меня беспокоит то, что запрещают лишь платки. Я хочу, чтобы мы были последовательны и ставили вне закона все внешние проявления религиозного экстремизма. За всем этим стоят ксенофобия и расизм, расистская Франция, и я не могу принимать этого».

Все восемь женщин, который разделяли это мнение, молодые, и все, кроме одной, закончили колледж. Другие не упоминали расизма, но были раздражены тем, что девушки в хиджабах рассматриваются как проблема, а те, кто ходят в школу в одежде панков и хулиганят, – нет. Кельтум говорит: «Мне лучше видеть девушек [в платках] чем тех, кто, я не знаю, создают проблемы в школе иными способами. Меня поэтому разочаровывает то, что они решают проблемы, которые минимальны, и забывают о подростках, которые ходят в школу с ножами. Те для них – не проблема, а о платках они говорят неделями».

Две молодые и образованные женщины, у одной из которых есть 5-летняя дочь, говорили о лицемерии французов иначе. Как и другие, они утверждали, что Франция должна либо разрешить, либо запретить символику всех религий в школе, что французские школы не являются светскими в иных отношениях: «Честное слово, светская школа не пропускает празднования Пасхи, но когда они ее отмечают, меня это не задевает. Моя дочь приносит домой пасхальные яйца, они красиво расписаны. В предместьях есть классы, в которых более 80% учащихся – магрибинцы, но и они отмечают Рождество и Пасху, и это не рассматривается как проблема для светской школы. Я не думаю, что это справедливо» (Нур, 34-летняя алжирка).

«Я повторю, что говорит большинство арабов. Во Франции есть школы и университеты, в которых не проводятся экзамены по субботам у евреев. И это – в публичных светских школах, но никто об этом не говорит. Университеты соглашаются, стоит студентам договориться с преподавателями. Все неформально и неофициально. По пятницам у них постный обед, поскольку католики не едят мясо по пятницам. Постные пятницы в школьных столовых, и никто не протестует. Никто ничего не говорит. Поэтому я нахожу весь этот спор мелочным и неубедительным, когда вдруг для других групп изобретаются новые правила» (Бесма, 34-летняя туниска).

Утраченные возможности. Критики французской школы утверждают, что в них поддерживается расизм, и одни религии ценятся выше, чем другие. Две женщины полагают, что французская школа упускает важную возможность (см.: *Табл. 2, строка 6*). Нур считает, что религиозная символика в школе предоставляет возможность обсудить разные религии и культуры: «Я думаю, что во время Рамадана они должны поговорить о Рамадане. Я считаю, что здесь нет проблемы. Наоборот, если кто-то приходит в школу в платке, это ставит вопрос, который можно обсудить в классе. Зачем наказывать их, зачем пытаться отрезать эту часть культуры даже без обсуждения? Почему не воспользоваться таким случаем для обсуждения всех рели-

гий? Фокусирование внимания на платках скрывает проблему; они так много об этом говорят, бедных девочек выгоняют из школы, их превратили в инопланетян. В конце концов мы их превратим в людей, у которых будут проблемы с собственной идентичностью и культурой... Для страны, которая является домом для стольких культур – это позор”.

Очевидно, Нур придерживается иного взгляда на школу. Она считает, что все религии должны быть разрешены и свободно обсуждаться в стенах школы. То, что многие французы расценивают как проблему, она видит как упущенную возможность. Другие женщины также полагают, что французская школа упускает возможности, однако их понимание этих возможностей больше соответствует высказываемой французами озабоченности. Эти опрошенные говорили о том, что школа могла бы сыграть позитивную роль для детей иммигрантов, отвлекая их от пути нетерпимости и фанатизма. Однако чтобы сыграть такую роль, школа не должна изгонять учениц в хиджабах.

Лейла (43-летняя туниска) выражает этот взгляд, когда говорит о проблемах молодежи и о том, как школа могла бы отвлечь их от исламского экстремизма. Она полагает, что исключение девушек из школы лишь создаст еще большие проблемы: “Французская школа не должна реагировать подобным образом при сложившихся обстоятельствах, поскольку я считаю это индивидуальной свободой.

Если они хотят носить платки, нужно сделать так, чтобы школа поддерживала это. Тогда эти дети поймут, что ими манипулируют, что суть религии – не в этом, не в том, чтобы стать фанатиком или прятать себя... Это пустота, которую французская школа не заполняет. Поскольку она есть, ее используют другие. И они пытаются манипулировать молодежью, говоря, что, вот видите, Франции вы не нужны, и школе и французскому обществу; вы им не нравитесь, они вас ненавидят, они – расисты, поэтому вам лучше обратиться к религии. Вам нужно выделиться. Вам необходимо отличаться от таких людей. А как отличаться? Отказаться от них. Не быть ими даже в отношении одежды.

Вот что опасно. И поэтому я иногда себе говорю, что их изгнание из школы – опасная ошибка... Они полагают, что, выгнав их, они решают проблему. Напротив, люди могут ожесточиться. Они выгнали двух этих девушек из-за платков, и мусульманские интеграционисты сыграют на этом, к ним и так уже много молодежи идет”.

В поисках идентичности. Лейла затрагивает серьезную проблему идентичности у детей иммигрантов, рожденных во Франции (см.: Табл. 2, строка 7). Как члены низкостатусной группы дети иммигрантов-мусульман часто осуществляют “работу с идентичностью” – деятельность по созданию и поддержке идентичности, обеспечивающей позитивный образ себя (Snow, Anderson 1987). Если подростки из второго поколения иммигрантов стараются соответствовать французским требованиям, но обнаруживают, что независимо от их усилий они и дальше будут сталкиваться с дискриминацией, они могут начать избегать французских норм и сознательно избирать этническую идентификацию. Отрицание французских обычаев в пользу традиционных североафриканских является реакцией на расизм, которая, согласно теории социальной идентичности, защищает позитивную социальную идентичность за счет отказа от сравнений с доминирующей группой и чувства гордости по отношению к собственной идентичности. Это – предсказуемая стратегия со стороны групп с низким статусом, которые не имеют доступа к социальным, политическим и экономическим ресурсам, позволяющего изменить их статус в обществе (Hogg, Abrams 1988).

Лейла – не единственная, кто в беседе связал платок с поиском идентичности. Учительница, преподававшая прежде в алжирской школе, где носят хиджабы, и работающая сейчас во Франции, заметила: “...Для тех, кто носит платки во Франции, в особенности в старших и средних классах, – это вопрос идентичности, поскольку эти девочки родились во Франции у родителей-иностранцев... Наступает время, когда

подростки утверждают себя и показывают, что они – личности, и за счет одежды они демонстрируют, что они – оттуда-то, из тех-то. Поэтому, я думаю, им не нужно запрещать делать это. Со временем они сами поймут, кто они на самом деле” (Исма, 36-летняя алжирка).

Теория идентичности описывает стресс, который испытывают люди, если комментарии и поведение других не соответствуют их самооценке (Burke 1991). Бесма называет это “кризисом идентичности” и утверждает, что именно он характерен для детей иммигрантов из Магриба: “Для них выяснение, кто они, – это как обязательный обряд перехода. Кто я? К какой культуре принадлежу? Откуда я? Где я живу? Моя культура настолько недооценивается, и я получаю такой негативный образ моей культуры и цивилизации моих родителей, что мне приходится искать себя, доказывать, что я существую”.

В то время как все четверо, кто говорил об идентичности, – хорошо образованы и в возрасте моложе 40 лет, пятая из женщин, затронувшая эту тему, была старше 40 и обучалась лишь до 16 лет: “Это – чтобы показать, что они существуют, вот и все” (Наже, 46-летняя марокканка).

Принуждение к ношению платка и вред исключения из школы. Несколько женщин заявили, что некоторые из девушек, входящих в школу в хиджабе, являются жертвами, поскольку их заставляют так поступать родители; следовательно, их нельзя исключать за то, что находится вне их контроля (см.: Табл. 2, строка 8). Хайят (32-летняя алжирка), сама испытавшая диктат родителей, описывает это так: “Есть девушки, которых родители будут держать дома, лишь бы не отпускать их в школу без хиджаба. Вообразите себе тот вред, который может быть причинен таким девочкам. Вы разрушаете их будущее! Следует учитывать человеческую сторону, видеть то, что они и в самом деле – жертвы обстоятельства. Вы не можете разрушать будущее таких девушек.” Хайят также отметила, что, став взрослыми, эти девушки могут отказаться от платка. Такого же мнения придерживается и Бесма: “...тех, кого заставляют родители, уходят [от их власти] в школу; и такие девочки снимают хиджаб, как только они попадают в университет или защищают степень бакалавра...”.

Варда (58-летняя алжирка) считает, что независимо от той причины, по которой девушки носят хиджаб в школе, их исключение принесет больше вреда, чем пользы: “Значительно важнее, с моей точки зрения, что эти девочки могут посещать школу, независимо от того, что они носят... Если эти дети приходят в школу в платках, то важнее то, что они продолжают учиться. Что важнее: то, что они получают степень бакалавра в итоге обучения, или то, что они не будут носить платок? Что важнее для общества? ...Я в принципе осуждаю платки, однако невозможно делать все по готовым принципам. Нужно учитывать конкретные обстоятельства и то, что наиболее важно для поддержания мира в обществе”.

Варда, таким образом, отстаивает утилитаристскую позицию. Однако она считает, что для общества полезнее разрешить ношение платков в школах, а не отстаивать принципы лаицизма. Тем не менее она замечает, что, когда она разговаривает с девочками один на один, она говорит им: “Послушай, ты живешь во Франции, в западной стране. Если ты собираешься получить профессию и работать, ты думаешь, что хиджаб облегчит тебе поиск работы? Ты сама должна решить. Не кажется ли тебе, что к уже существующим препятствиям ты добавляешь еще одно?”. Эта цитата приводит нас к тем респонденткам, которые были против ношения платков в школе.

Можно ли разрешить девушкам ношение платков в школе? – Нет

Двенадцать информанток, т.е. около трети опрошенных, ответили, что нельзя разрешать ношение платков в школах. Группа утверждавших, что школа должна

быть отделена от религии, оказалась смешанной в отношении возраста и уровня образования.

Смысл школы – в интеграции. Пятеро из участниц опроса сказали, что девушки не должны носить платков, поскольку это противоречит целям школы – обучению и интеграции (см.: Табл. 2, строка 3). Сорайя (25-летняя марокканка) суммировала это следующим образом: “Школа для того, чтобы учиться. Вы там не для того, ну я не знаю, чтобы еврей носил свое еврейское, другая – исламский хиджаб; не в этом смысл школы... Если уж туда ходишь, то для того, чтобы учиться, а не для того, чтобы заявлять: я – мусульманин, я – христианин, я – еврей... Сам факт, что ты мусульманин или христианин, ничего не меняет. Целью является учеба, обучение”.

Амель (26-летняя алжирка) поддерживает Сорайю: “Для меня это выбор, который ты делаешь. Ты учишься и ты ходишь в светскую школу, что означает, что ты уважаешь законы, никаких внешних знаков или оставайся дома и носи дома хиджаб хоть с утра до вечера, никто не помешает.” Эти молодые женщины согласны с большинством французов, считающих, что школа – не место для демонстрации религиозных и культурных отличий. Еще одна женщина более старшего возраста, не говорившая по-французски, заметила, что, “если ты хочешь полностью и буквально соблюдать религию, то делать ничего нельзя; ты не работаешь, ты не выходишь из дома, но это невозможно...” (Нассима, 50-летняя алжирка). С ее точки зрения, девушки не должны носить платки в школе, но должны “интегрироваться во Францию”.

Адаптируйся или возвращайся домой. Семеро из группы противников платков заняли еще более жесткую позицию, утверждая, что если иммигранты не могут приспособиться к жизни во Франции, они должны уезжать домой. Многие респондентки просто говорили, что те, кто не может приспособиться, должны либо оставаться дома, в своих родных странах, либо возвращаться туда (см.: Табл. 2, строка 4). Другие комментировали этот взгляд: “Я считаю, что если им нужно носить платок, то пусть это делают дома. Я заняла бы более радикальную позицию. Я бы не делала снисхождения; если я хочу носить *гондела*, или *джеллеба*, то мне нужно оставаться в своей стране. Я думаю, что, если ты куда-то уехал, то ты стараешься слиться. Есть старая марокканская пословица: “Делай как сосед, или уезжай!”. Это значит, что мне незачем ехать во Францию, чтобы отстаивать свои убеждения, будь они культурными или религиозными. Если я хочу носить бабуши и хиджаб, ну тогда я должна оставаться дома, у себя в стране, или приспосабливаться. Если я во Франции, тогда, извините, я должна одеваться по-французски. Если я с ними ем, живу, хожу в их школы, то не знаю, зачем мне выделяться одеждой; пусть носят ее дома или в гостях у своих друзей. Я не против. Но когда такая приходит в школу, то я так не думаю... нет, я полностью согласна с теми, кто ставит платки вне закона” (Черифа, 44-летняя марокканка).

Чафика (50-летняя алжирка) полностью согласна с исключением двух турчанок из школы. Две другие женщины, сделавшие сходные утверждения, сталкивались, когда они жили в Алжире, с давлением со стороны исламских фундаменталистов, принуждавших женщин носить хиджаб. Рим (32-летняя алжирка) поясняет: “Здесь мы живем в стране, которая не наша, поэтому ты должна уважать их обычаи и привычки”. Лина (32-летняя алжирка) сообщила, что ее отношение определяется ее алжирским опытом, и признается, что он ее сделал “нетерпимой”: «Они совершенно не меняются. Я этого просто не понимаю и не могу признать. Подруга, не хочешь жить так, езжай в свою деревню. Значит, жить здесь – не для тебя... Почему ты берешь все хорошее от Франции, а твоя дочь должна ходить в школу в хиджабе и создавать всем проблемы? Я так к этому отношусь. Может быть, это нетерпимость, но пока они не трогают меня, я их уважаю. Меня это не касается, пусть делают, что хотят, пусть одеваются как клоуны... Но потом они начинают приставать к нам, как

это уже произошло в Алжире: “О, ты водишь машину? О, ты куришь? О, ты не одеваешься так, как мы?”».

Для Лины проблема платков автоматически заставляет ее думать о ситуации в Алжире. Там в течение последних 10 лет армия борется за контроль над страной с мусульманскими фундаменталистами, а хиджабом не только манипулируют как политическим символом, но женщинам угрожают и их убивают за то, что они носят или, наоборот, не носят его. Как уже упоминалось, французская пресса часто связывает ношение платков с алжирскими мусульманами-фундаменталистами, и несколько респонденток также упомянули об этой связи. Однако при этом они не обязательно выступали против права девушек носить платки в школе.

Другие взгляды на платки

Исламский фундаментализм. Восемь женщин упомянули, что хиджаб является символом определенной идеологии и/или нетерпимости (см.: Табл. 2, строка 9). Знаменателен тот факт, что из этих восьми шестеро – выходцы из Алжира, и четверо из них оставили страну по причине ухудшающейся политической, социальной и экономической ситуации. Одна из них попала в Алжире в тюрьму, а у другой сожгли загородный дом. Однако несмотря на то, что сами эти женщины выступали против платков, многие из них против запрета их ношения во французской школе. Они осуждают нетерпимость тех, кто носит хиджаб или принуждает к его ношению, но вместе с тем считают, что его запрещение – неверный путь. Несколько женщин из этой группы – это те, кто отстаивает индивидуальную свободу и право на выражение культурной/религиозной идентичности. При этом они признают наличие связи между хиджабом и особой установкой, или отношением: “Я заканчивала школу [в Алжире], где уже начинали носить платки. Это не то, как ты одеваешься, это то, кем ты себя чувствуешь. Одежда означает многое, например, что уже нельзя заниматься спортом, философия оказывается под запретом. Девушка в платке означает, что она чиста, а та, которая не носит платка, – не чиста. И даже не нечиста, а просто потаскуха. Видите как? И тогда ты себе говоришь: ну что ж, платок все это символизирует. И если недавно двух турчанок исключили из школы за это, то быть может, их учителя прожили все то, о чем я Вам сказала, и все это видели” (Деха, 34-летняя алжирка).

“Я не нетерпима, я сама страдала от нетерпимости, но, одеваясь так, ты сам становишься нетерпимым, поскольку ты хочешь навязать... Мне неприятно это говорить, но часто именно та, кто хочет показать, что она большая мусульманка, чем другие, она навязывает свой взгляд” (Исма, 36-летняя алжирка).

И Деха, и Исма, как и другие алжирские женщины постарше, также сказали, что они не стали бы принуждать мусульманок снять хиджаб; они против их исключения из школ (“даже для меня, хотя я – из Алжира, и для меня хиджаб связан с неприятными воспоминаниями, поскольку напоминает мне о насилии и антидемократическом фундаментализме” – Варда, 58-летняя алжирка). Двое из шести алжирок, упомянувших о фундаментализме, сказали, что они бы запретили ношение платков во французской школе. Шестая женщина из этой группы нашла аргументы для обеих сторон и сказала, что, если бы ей пришлось голосовать по этому вопросу, решение далось бы ей нелегко.

Еще одна алжирка, Нур, покинувшая родную страну из-за беспорядков, заняла позицию критика по отношению к связи между определенными символами и идеологией. Она указала на то, что платок не стоит рассматривать как одномерный символ. Она заметила, что французы полагают, что все мусульмане одинаковы и что многие выходцы из Алжира сами становятся жертвой стереотипов и носят платки и бороды: “Это ограничивает. И это то, какой образ складывается у французов о мусульманах. Этот образ демонизирует, он должен измениться. Борода – это сам дья-

вол. И в Алжире есть алжирцы с таким же отношением, которые говорят: "О, только не хиджаб!" и реагируют насилием не против идей, а против их выражения. Хотя это всего лишь выражение идеи. Есть люди в FIS [Исламский фронт спасения], которых я знаю; их заставляли сбривать бороды, военные силой сбривали им бороды несколько раз. Я считаю это нарушением прав человека. Когда ты заставляешь кого-то сбрить бороду, он отрастит потом еще большую, и это будет борода ненависти, Вы понимаете? Ненависти! Борода, носимая с ненавистью. Поэтому нужно быть осторожным с теми французами, которые не способны различать на этом уровне, которые против этого и говорят: "Вы не можете этого делать в нашей стране; это неприемлемо" и так далее; они не смотрят вперед".

Роль СМИ. Шестеро опрошенных винили СМИ или политиков за раздувание проблемы. Исма говорит, что девушкам нужно разрешить носить платки в школе, утверждая, что, если бы не СМИ, все это не стало бы проблемой: "Когда мы начинаем придавать этому значимость и делать это важным и говорить об этом в средствах массовой информации – вот где проблема... В то время как если бы мы не говорили об этом, все бы прошло практически незамеченным, и все бы, возможно, само собой разрешилось... Если бы я работала журналисткой, я бы даже об этом не говорила... Не нужно придавать важность таким вещам. Это индивидуальная проблема, и она должна решаться на индивидуальном уровне".

Другие респондентки согласны с этим, и Бесма иллюстрирует то, как СМИ влияют не только на девушек, носящих платок в школе, но и на всех мусульманок во Франции, которые носят хиджаб: "Была эта история с платками. Просто паранойя. Платки были всегда, просто о них не говорили, но вот должны были состояться выборы и т.п. Они хотели что-то использовать, и они создали эту проблему из ничего, отдав ей первые полосы газет на три месяца; в результате это привело к катастрофе. Так и получается, что кто-то видел накануне свою соседку в хиджабе и даже не замечал ее, а теперь он видит в ней носительницу исламизма".

Последний из часто встречаемых типов реакции редко упоминается в прессе. Речь идет о том, что значит быть мусульманкой вообще и хорошей мусульманкой во Франции в особенности.

Быть мусульманкой в сердце, а не в платке. 11 женщин упомянули, что девушкам незачем носить платки в школе, поскольку ношение платка в действительности не требуется исламом, и что другие его стороны гораздо важнее. Женщина может одеваться скромно и не покрывать волос; не нужно пытаться выделиться и показать себя (см.: Табл. 2, строка 10). Фатима (54-летняя марокканка) считает, что девушкам не нужно носить платки в школе, хотя вне ее они это могут делать: "...так они не беспокоят остальных; в классе это привлекает внимание; ты сразу видишь человека в платке". Хотя все респондентки, кроме одной из этой группы, очень религиозны, а некоторые надевают хиджаб во время молитвы дома, они снова и снова повторяли, что речь в исламе идет о сердце, а не о платках. Большинство из них выступили против разрешения носить платки в школе: "Я – мусульманка, и я против этого, против людей, которые так одеваются, кто носит платки; я этого терпеть не могу. Поскольку если ты хочешь следовать религии, то, как мы говорим, религия – в сердце. Это вовсе не ношение платка и совершение проступков. Я, мусульманка, совершаю все обряды, соблюдаю Рамадан, молюсь, но это – все. Дело совсем не в том, ношу ли я платок, или в том, что я должна ходить в нем на работу и в школу. Я этого не приемлю" (Суад, 49-летняя тунисийка).

Такой ответ типичен для целой группы мусульман во Франции. Многие иммигрантки, выросшие в странах, где было принято носить хиджаб, перестали это делать во Франции, для того чтобы устроиться на работу и жить в соответствии с местной традицией. При переезде во Францию они стали членами группы меньшинства, и многие из них оказались отрезанными от своих семей. Религия – коллективное заня-

тие в Северной Африке – стала частным занятием во Франции, или, как это сформулировали пятеро из опрошенных, – “делом сердца”. Важность этой темы обсуждается в одной из книг об исламе: “Давайте помнить, что ислам является верованием, постулирующим главенство сердца. Социальные ограничения морали и общинных норм не превосходят эсхатологии. Религия Закона, ислам остается религией равновесия, умеренности, но также и религией *niyuu* – чистоты намерений. Поэтому давайте не упускать из внимания эволюцию, происходящую внутри общины... Отношение между духовностью и нормой является средоточием эволюции связи между нормативной логикой общины, с одной стороны, и требованиями универсальной веры и духовности в эпоху секуляризации – с другой” (*Babes* 2000:32).

Однако это приводит к весьма существенному вопросу. Когда респонденты используют слово *сердце*, отражает ли оно глубину индивидуальной веры или представляет собой простую реакцию на исповедование ислама в чуждом для него контексте – пример того, как религия становится внутренней и приватной под внешним давлением? “Сердце”, о котором пишет Бабэ, – это намерение, внутреннее чувство. Это может отличаться от тех случаев, когда о сердце говорят лишь потому, что человек осознает, что ему не позволено показывать, что он чувствует внутри.

Принятие закона, запрещающего ношение религиозной символики во французских школах, по многих отношениях отражает христианскую концепцию веры, в которой религиозность связана с ограниченным и приватным пространством, в особенности церковью или домом. Запрет ношения еврейской кипы или мусульманских платков значительно отличается от запрета ношения крупных христианских крестов, поскольку многие набожные евреи и мусульманки считают, что их религия *требует*, чтобы они покрывали головы вне дома, в то время как христиане не думают, что они обязательно должны носить крест. Таким образом, если христиане могут оставаться христианами без религиозной символики, новый закон заставляет евреев и мусульман “выбирать” между их религией и возможностью ходить в школу или на работу.

В обществе, которое оставляет мало места для проявления множественных идентичностей и ожидает от иммигрантов интеграции за счет принятия французских гражданских ценностей (*Feldblum* 1993) многие иммигранты, прожившие во Франции десятки лет, научились приспосабливаться. Пятеро из опрошенных, упомянувших в своих ответах слово “сердце”, с трудом понимают, почему их дочери или подруги дочерей носят то, от чего они сами после иммиграции отказались. Лишь немногие из этих женщин понимают борьбу за идентичность у поколения рожденных во Франции и их потребность в публичном утверждении своей идентичности как формы протеста против доминирования французской культуры. Для них носить *джеллеба* и платок лишь дома – в порядке вещей: “Это магрибское, ты делаешь это для себя, а не для других. Я, например, соблюдаю рамадан и не прошу других делать это вместе со мной или не демонстрирую им, что я соблюдаю его. Если они меня спросят, я им скажу, что, да, я его соблюдаю, если не спросят – не их дело, что я делаю дома... Хочешь молиться – молись дома... Они выбросили этих двоих из школы, верно? Люди такого не принимают? Я не против этого, но пусть они делают это дома” (Чафика, 50-летняя алжирка).

Несмотря на то, что респондентки выросли в обществе, где женщины закрывались, и часто сами, пока жили в Магрибе, носили платки, никто из них не думает: чтобы быть хорошей мусульманкой, нужно непременно носить платок. Они обращают внимание на другие стороны их религии, утверждая, что ислам – это “не делать плохого”, “помогать людям”, “быть терпимым” и “уважать религии других”¹¹. Эти ответы указывают на “этический голос” ислама, настаивающий на равенстве всего человечества, и освещают множественность возможных интерпретаций ислама (*Ahmed* 1992: 229). Мимуна (44-летняя туниска) утверждает, что девушки стали

бы лучшими мусульманками, если бы постарались остаться в школе: “Если бы это была моя дочь, я бы велела ей снять платок. Религия – не в нем. Можно снять платок и продолжать делать добро. Делать добро – это лучше, чем закрываться; а обучение, как известно, может открыть много дверей, и вы сможете лучше помогать людям. Если кто-то делает это в надежде стать лучшей мусульманкой, то... я не знаю... для меня, чтобы ею быть, не нужно носить платка”.

Когда респондентки обсуждали хиджаб в Магрибе, они отмечали, что женщины его носили в тех случаях, когда выезжали за пределы своих деревень, и что пожилые женщины часто носили его лишь для того, чтобы скрыть седину. Молодежь же использовала платки все реже, поэтому они были шокированы поведением девушек, родившихся во Франции, но предпочитающих носить платки. Для некоторых из них это выглядело как что-то искусственное. Они также отметили, что черные платья, которые носят некоторые из девушек, ничем не напоминают белых или разноцветных накидок и платков, которые они сами и их матери и бабушки носили в Северной Африке. Говоря о черном “хиджабе”, Чафика гневно заметила: “Это все Хомейни сделал с нами. До него в Алжире так не было”.

Все опрошенные, у которых была подобная реакция, похожи во многих отношениях. Восемь из одиннадцати – женщины старше 40 лет, с начальным образованием или без него; из троих помоложе – две не закончили школы и лишь одна обучалась в колледже. Все они соблюдали обряды, однако на практике оказались противниками ношения платков в школе (лишь у двоих были смешанные чувства по этому поводу; обе – моложе 40). Что нам это говорит об исламе во Франции?

Традиционная практика закрывания в мусульманских странах отделяет мужское публичное пространство от женского домашнего. В Магрибе женщины надевали покрывало, выходя из дома, и снимали его вернувшись. Во Франции, где улица уже не является мужским пространством, но скорее французским пространством, ношение платков дома представляет собой случай культурной адаптации (Killian 2002). У этих иммигранток ясное представление о том, кто они. Они нашли компромисс между собственными культурными обычаями и требованиями французского общества, и они чувствуют себя комфортно. То, что большая их часть относится к старшим возрастам, и что у них низкое образование – не удивляет. Они представляют собой типичных магрибинок, последовавших за мужьями во Францию и планировавших вернуться домой после выхода мужей на пенсию. Эти женщины приехали в тот период, когда иммигранты просто искали работы и надеялись, что французы их не заметят. И хотя они не надеялись на полную интеграцию во французское общество, у них не было причин для противопоставления и демонстрации своих отличий. Ни одна из женщин старше 40 лет не связала дело о платках с расизмом¹². Они въехали в страну до призывов к мультикультурализму, которые начали звучать десятилетием спустя.

Обсуждение результатов

Различия в реакциях на дело о платках среди магрибинских женщин не зависят от того, как долго они проживают во Франции, от их правового статуса или того, практикуют ли они ислам. Напротив, возраст и уровень образования оказываются хорошими индикаторами (см.: Табл. 2). Молодые и в особенности хорошо образованные женщины часто относят платок к личному праву на свободу вероисповедания, считая, что Франция должна лучше относиться к многообразным культурам, которые в нее входят. Эти женщины полагают, что дело о платках имеет расистский оттенок и что девушки, носящие платки, делают так либо потому, что их заставляют родители, либо из-за политики идентичности, противостоящей системе, которая обесценивает их культуру.

Хотя респондентки часто плохо относятся к хиджабу, они считают неверным исключение из школы за ношение платков и полагают, что это принесет больше вреда, чем пользы. Несмотря на то, что их мнение отличается от того, что думает большинство французов, они опираются на дискурс прав и равенства, который узаконен на Западе. Многие из этих женщин приехали во Францию для продолжения образования. Кроме того, еще до приезда во Францию часть или все обучение проходило у них по-французски, и, таким образом, усвоение французской гражданской культуры началось у них задолго до приезда в страну, что подтверждает мнения некоторых исследователей, пишущих о западной гегемонии во всем мире (*Ahmed 1992*). Их позиция иллюстрирует их понимание французской культуры и их способность выдвигать аргументы в пользу собственной этнической группы, с которыми французы если и не согласятся, то все же поймут их.

Плохо образованные женщины не использовали подобных аргументов и опирались в своих ответах на совершенно иной культурный репертуар. Они, независимо от позиции в деле о платках, опирались не на французский, а на магрибинский дискурс. Когда они высказывались за ношение платков в школе, то просто утверждали, что это не представляет проблемы. Они не вступали в дискуссию в отношении лаицизма. Если они были против платков, то обсуждали тему, что такое быть мусульманкой во Франции. Для многих женщин постарше ислам – это отношение между тобой и богом. Его можно исповедовать частным образом, не вторгаясь во французскую публичную жизнь на улице, на работе или в школе. Учитывая их низкий уровень образования и существующие иногда трудности общения, можно предположить, что эти женщины менее подвержены влиянию французской культуры и потому в меньшей степени способны использовать или понимать аргументацию французов в деле о платках.

Третья группа женщин отражает мнения большинства французов. Эти опрошенные полагают, что смысл школы – в интеграции и что платкам не место в классах. Некоторые заходят настолько далеко, что полагают, что те иммигранты, которые не могут приспособиться, должны уезжать домой. Респондентки, сделавшие такие замечания, не объединены возрастом или уровнем образования. Их мнения совпадают с большинством французов и противостоят тем, кто требует толерантности и легитимации культурного и религиозного своеобразия в публичном пространстве французской школы. До какой степени эти женщины ассимилированы и почему их интеграция в гражданские и культурные нормы Франции была более успешной, чем у других групп? Эта группа требует дальнейшего внимания для выяснения иных факторов, определяющих их взгляды, а также сходства и различия между собой и с другими мусульманскими иммигрантками.

Настоящее исследование помогает пролить свет не только на дело о платках, но также и на различные реакции респонденток на французскую публичную культуру и на различающиеся конструкции идентичности мусульманской иммигрантки. Женщины, отрицающие платки, потому что они полагают, что цель школы – в интеграции, согласны с французским общественным мнением. Однако они не являются единственными из участниц опроса, кто продемонстрировал свою адаптацию к французской культуре. Респондентки, поддержавшие ношение платков из-за того, что они думают, что девушки должны иметь свободу самовыражения, хорошо осведомлены относительно западного правового дискурса и могут использовать его аргументы в свою пользу. Даже женщины, игнорирующие лаицизм, все же адаптировались к жизни во Франции, меняясь и приспосабливаясь. Упоминания о том, что ислам – это сердце и что хорошая мусульманка может исповедывать ислам дома, демонстрируют культурную адаптацию и работу с идентичностью даже у очень религиозных иммигрантов (перепределение того, кем является хорошая мусульман-

ка). Таким образом, все опрошенные так или иначе адаптировались к жизни во Франции, хотя и по-разному.

Различающиеся реакции опрошенных в моем исследовании указывают на разнородность магрибинских иммигрантов во Франции. Здесь не существует единого магрибинского сообщества; мусульманки, как и процессы адаптации иммигрантов, существенно отличаются друг от друга. Несмотря на то, что все участницы опроса выросли в Северной Африке и воспитывались как мусульманки, они смотрят на мир очень по-разному, в особенности в зависимости от возраста и уровня образования. От этих структурных факторов зависит культурный репертуар, который они используют при обсуждении проблемы платков. Как они будут смотреть на новый закон по прошествии 10 лет, зависит от того, сработает ли он в том направлении, на которое надеются французские политики, или, наоборот, его последствиями станут дальнейшая маргинализация мусульманского населения и растущее этническая напряженность.

Примечания

¹ Вслед за Гаспаром и Хосрохавером (*Gaspard, Khosrokhavar* 1995) термины “накидка” (veil) и “платок” (headscarf) в этой статье используются для обозначения куска ткани, покрывающей волосы, но не лицо. Французские термины “voile” (накидка) и “foulard” (платок) использовались как синонимы и французженками, и женщинами из Северной Африки, которых я интервьюировала. Лишь немногие женщины во Франции используют накидки, закрывающие какую-либо часть лица.

² Крей – небольшой город с населением около 32 тыс. человек в департаменте Уаз (Пикардия), в 51 км на север от Парижа. – *Примеч. пер.*

³ В отчете комиссии рекомендовалось также отпускать учащихся на празднование Йом-киппура и Эйд-аль-Кебира помимо христианских праздников, а также приготовление кошерной и халлальной пищи для иудейских и мусульманских учащихся, однако эти рекомендации не были отражены в законе.

⁴ К Магрибу относят Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Западную Сахару. Магрибинцы Франции являются по преимуществу выходцами из трех стран Центрального Магриба – Марокко, Алжира и Туниса, и, таким образом, используемый здесь термин относится к выходцам из этих трех стран.

⁵ В Великобритании и Нидерландах похожие случаи с мусульманскими платками решались на местном уровне с большей снисходительностью, чем во Франции (*Gaspard, Khosrokhavar* 1995). В Англии девушки-мусульманки, носящие платки, либо освобождаются от занятий спортом, либо покрывают головы иным способом (*Soysal* 1994).

⁶ Хотя учащимся в США позволено посещать занятия в религиозных одеяниях, Мур (Moore 1998) описывает судебное дело в отношении учительницы, отстаивающей право ношения традиционной мусульманской одежды.

⁷ Комиссия из 20 членов под руководством Бернара Стаси (Bernard Stasi), назначенная президентом Франции Жаком Шираком для подготовки рекомендаций по лаицизму – светскости и отделению церкви и государства. – *Примеч. пер.*

⁸ Сейчас во Франции есть только одна частная мусульманская школа в предместьях Парижа и одно высшее учебное заведение в Лилле.

⁹ Обсуждение мотивов молодых девушек, носящих платки см.: *Gaspard, Khosrokhavar* 1995.

¹⁰ О поиске респондентов и моей роли как исследователя см.: *Killian* 2003.

¹¹ Эти утверждения совпадают со сведениями опроса мусульманок, носящих в Техасе (*Read, Bartkowski* 2000). Это сходство интересно, если принять во внимание то обстоятельство, что опрошенные в США имеют более высокий социально-экономический статус, чем французские респондентки. Помимо этого в Техасе так утверждали женщины, которые носят платки в публичных местах.

¹² Согласно статье в газете “Le Monde” (*Ternisien* 2003: 2), из 3000 участников декабрьской демонстрации протеста против нового закона в Париже “три четверти демонстрантов были женщины, и большая их часть – моложе 40 лет”.

Литература

- Ahmed* 1992 – *Ahmed L.* Women and gender in Islam. New Haven, 1992.
- Babes* 2000 – *Babes L.* L'islam Interieur: Passion et Desenchantement. Beyrouth, Lebanon, 2000.
- Begag* 1990 – *Begag A.* The 'Beurs,' Children of North-African Immigrants in France: The Issue of Integration // *The Jour. of Ethnic Studies.* 1990. Vol. 18. № 1. P. 1–14.
- Bloul* 1996 – *Bloul R.* Engendering Muslim identities: Deterritorialization and the Ethnicization Process in France // *Making Muslim Space in North America and Europe* / Ed. Barbara Daly Metcalf. Berkeley, 1996.
- Burke* 1991 – *Burke P.* Identity Processes and Social Stress // *American Sociological Rev.* 1996. Vol. 56. P. 836–849.
- Deutsch* 1987 – *Deutsch S.* Women and intercultural relations: The case of Hispanic New Mexico and Colorado // *Signs: Jour. of Women in Culture and Society* 1987. Vol. 12. P. 719–740.
- Feldblum* 1993 – *Feldblum M.* Paradoxes of ethnic politics: The Case of Franco-Maghrebins in France // *Ethnic and Racial Studies.* 1993. Vol. 16. № 1. P. 52–74.
- Gaspard, Khosrokhavar* 1995 – *Gaspard F., Khosrokhavar F.* Le foulard et la republique. P., 1995.
- Helie-Lucas* 1994 – *Helie-Lucas M.-A.* The preferential symbol for Islamic identity: Women in Muslim personal laws // *Identity politics and women: Cultural reassertions and feminism in international perspective* / Ed. by Valentine Moghadam. Boulder, CO, 1994.
- Hogg, Abrams* 1988 – *Hogg M., Abrams D.* Social identifications. N.Y., 1988.
- Horowitz* 1998 – *Horowitz D. L.* Immigration and group relations in France and America // *The immigration reader: America in a multidisciplinary perspective* / Ed. D. Jacobson. Oxford, UK, 1998.
- INSEE* 1997 – *INSEE.* Les Immigres en France: Portrait Social. Contours et Caracteres. P., 1997.
- INSEE* 2000 – *INSEE* Annuaire statistique de la France // *Edition 2000.* Vol. 103. № 45. P., 2000.
- Kastoryano* 1996 – *Kastoryano R.* La France, l'Allemagne, et leurs immigrés: Negocier l'identite. P., 1996.
- Khellil* 1991 – *Khellil M.* L'integration des Maghrebins en France. P., 1991.
- Kibria* 1994 – *Kibria N.* Migration and Vietnamese American Women: Remaking Ethnicity // *Women of Color in U.S. Society* / Ed. Maxine Baca Zinn and Bonnie Thornton Dill. Philadelphia, 1994.
- Killian* 2002 – *Killian C.* Culture on the Weekend: Maghreb Women's Adaptation in France // *International Jour. of Sociology and Social Policy* 2002. Vol. 22. № 1–3. P. 75–105.
- Killian* 2003 – *Killian C.* The Other Side of the Veil: North African Women in France Respond to the Headscarf Affair // *Gender and Society.* 2003. Vol. 17. № 4. P. 567–590.
- Lamont et al.* 2002 – *Lamont M., Morning A., Mooney M.* Particular Universalisms: North-African Immigrants Respond to French Racism // *Ethnic and Racial Studies.* 2002. Vol. 25. № 3. P. 390–414.
- Moore* 1998 – *Moore K.* The Hijab and Religious Liberty: Anti-Discrimination Law and Muslim Women in the United States // *Muslims on the Americanization path?* / Ed. Yvonne Yazbeck Haddad and John L. Esposito. Tampa, 1998.
- Read, Bartkowski* 2000 – *Read J.G., Bartkowski J.P.* To veil or not to veil? A case study of identity negotiation among Muslim women in Austin, Texas // *Gender and Society.* 2000. Vol. 14. № 3. P. 395–417.
- Sciolino* 2003 – *Sciolino E.* Ban Religious Attire in School, French Panel Says // *The New York Times.* 2003. 12 Dec. (Late edition). P. 1.
- Snow, Anderson* 1987 – *Snow D.A., Anderson L.* Identity work among the homeless: The verbal construction and avowal of personal identities // *American Jour. of Sociology.* 1987. Vol. 92. № 6. P. 1336–1371.
- Soysal* 1994 – *Soysal Y.N.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago, 1994.
- Ternisien* 2003 – *Ternisien X.* Manifestation a Paris contre une Loi Anti-Voile (<http://www.lemonde.fr; Dec.22, 2003>).
- Tribalat* 1995 – *Tribalat M.* De l'immigration a l'assimilation: Enquete sur les populations d'origine etrangere en France. P., 1995.
- Weibel* 2000 – *Weibel N.B.* Par-dela le Voile: Femmes d'Islam en Europe. Belgium, 2000.

Перевод с английского С.В. Соколовского

C. Killian. The French Law Banning Religious Symbols in School and Maghrebin Womens' Views on the Muslim Headscarf

In response to increasing ethnic tensions, in February of 2004, France passed a law banning religious symbols, including Muslim headscarves, in public schools. French politicians assert that they are protecting the secularism necessary for the stability of the Republic. Others, in France and elsewhere, charge that the law is anti-religious, and particularly discriminatory against Muslims. Based on interviews with 41 Algerian, Moroccan, and Tunisian women in France, this paper examines how these immigrants feel about the veil in school. While women were split in their views, patterns emerged. Younger, well-educated women defend the headscarf as a matter of personal liberty and cultural expression. A second group of women oppose the headscarf, arguing that the goal of school is integration. Finally, older, poorly-educated women either defend or reject the veil, but never discuss the issue of secularism. In dismissing the veil, they rely on a different understanding of Muslim womanhood. This response must be questioned to determine whether it is the result of a deep, individual belief, or rather a reaction to their marginalized status in France.